Н. П. Генералова

ЕЩЕ РАЗ БЕЛИНСКИЙ
(О литературно-эстетических взглядах И. С. Тургенева)

Литературно-критическая деятельность И. С. Тургенева не раз становилась предметом специального рассмотрения. Достаточно сказать, что в 2-томной «Истории русской критики», изданной в 1958 году совместно Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) и Институтом мировой литературы им. Горького РАН, Тургеневу посвящена отдельная глава.[1] И это более чем справедливо, поскольку наследие Тургенева-критика столь широко и многообразно, а влияние его на современный литературный процесс столь значительно, что игнорирование этой части наследия писателя привело бы к неизбежному искажению общей картины как его собственного творчества, так и в целом истории русской критики XIX века.

Однако собственно монографическое исследование на эту тему появилось лишь однажды, еще в 1957 году.[2] В рецензии на него Л. Н. Назарова писала: «Нельзя не приветствовать появление книги, посвященной вопросу о Тургеневе — литературном критике. Эта тема по-настоящему еще не разработана нашим литературоведением».[3] Интересно отметить, что слова эти были сказаны автором обстоятельной статьи о Тургеневе в упомянутой «Истории русской критики», которая к моменту выхода рецензии на монографию Чмшкян как раз находилась в печати.

Следует упомянуть, что уже после выхода в свет «Истории русской критики» другой известный тургеневед — М. О. Габель, в свою очередь откликаясь на исследования К. С. Чмшкян и Л. Н. Назаровой, кон-

---

[1] *Назарова Л. Н.* Тургенев-критик // История русской критики: В 2 т. / Ред. коллегия: Б. П. Городецкий (отв. редактор), А. Лаврецкий, Б. С. Мейлах. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 509—530.

[2] *Чмшкян К. С.* И. С. Тургенев — литературный критик. Ереван, 1957. 146 с.

[3] *Назарова Л.* Тургенев-критик // Вопросы литературы. 1958. № 4. С. 228.

статировала, что по сути дела тезис, выдвинутый еще Н. Л. Бродским, о близости эстетических воззрений Тургенева и Белинского[4] и «вопрос о Тургеневе — критике школы Белинского ждет <...> разрешения».[5]

Подобный вопрос не возник в тщательно подготовленной и прокомментированной современной антологии, где собраны наиболее репрезентативные статьи ведущих критиков эпохи: К. С. Аксакова, С. П. Шевырева, В. Н. Майкова, А. А. Григорьева, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Б. Н. Алмазова, Е. Н. Эдельсона, И. С. Аксакова, Н. Г. Чернышевского, П. В. Анненкова, М. Н. Каткова, А. В. Дружинина и В. П. Боткина.[6] В этом контексте особенно бросается в глаза отсутствие имен, без которых критико-эстетическая мысль 40-х—50-х годов выглядит более чем обедненной. Назовем имена Гоголя, Тургенева, Некрасова, Фета и других писателей и поэтов, непосредственно участвовавших в эстетических баталиях того времени. Ведь немаловажным и не вполне осмысленным до сих пор фактором литературного процесса 40-х—50-х годов является именно то, что многие из критиков были одновременно писателями и поэтами и vice versa (Тургенев, Григорьев, Фет, Аксаков, Герцен, Дружинин и др.).

Писатели и поэты не просто выступали на страницах периодических изданий наряду с «профессиональными» критиками. Они подчас формировали эстетический вкус читающей публики в качестве редакторов ведущих журналов, как, например, Некрасов, возглавивший с 1847 года обновленный «Современник», а затем «Отечественные записки», А. Григорьев, ставший в начале 50-х годов главой молодой редакции «Москвитянина», а в конце 50-х попытавшийся обосноваться в журнале «Русское слово», Герцен — основатель периодической нелегальной русской печати за границей. Примеры можно продолжить.

Выступления Тургенева в качестве критика далеко не ограничивались большим числом литературных статей и откликов по тому или иному поводу. Писатель принимал самое непосредственное участие в формировании политики обновленного «Современника», не говоря уже о деятельном в нем участии и в качестве писателя, и в качестве по-

---

[4] *Бродский Н. Л.* Белинский и Тургенев // Белинский — историк и теоретик литературы. М.; Л., 1949. С. 327.

[5] *Габель М. О.* Вопросы изучения творчества И. С. Тургенева. Харьков, 1959. С. 28. Следует отметить, что, несмотря на присущую эпохе терминологию и некоторый налет социологизма (вызванный отчасти задачей исследователя опровергнуть устоявшиеся вульгарно социологические подходы к изучению творчества писателя), эта работа М. О. Габель выделяется широкой постановкой проблем и в некоторых своих положениях сохраняет актуальность. Большинство из обозначенных исследовательницей тем были впоследствии разработаны в отечественном тургеневедении, однако некоторые все еще остаются в числе малоисследованных. Сказанное относится к проблеме всестороннего изучения раннего творчества Тургенева.

[6] Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века / Подгот. текста, сост., вступит. ст. и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. М., 1982 (Сер. «История эстетики в памятниках и документах»).

эта, и в качестве критика. Позднее он будет рекомендовать определенных авторов издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому, издателю «Колокола» и «Полярной звезды» А. И. Герцену, давать советы редактору обновленной «Библиотеки для чтения» А. В. Дружинину и редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу. Эта сторона деятельности Тургенева, хотя частично и изучена, еще ждет обобщающего исследования. Она, без сомнения, имеет прямое отношение к выявлению литературно-эстетической позиции писателя.

Начавший свой литературный путь как поэт, Тургенев вскоре обращает на себя внимание как прозаик, а потом и как критик. В дальнейшем его перу будут принадлежать многочисленные статьи и рецензии, некрологи и предисловия, речи и воспоминания. В конце концов он станет одним из тех, к чьему мнению прислушивались и молодые, и маститые писатели и поэты. Его советами дорожили редакторы толстых журналов и газет, а суждения подхватывались и обсуждались читающей публикой. Забегая вперед, можно сказать, что уже к середине 50-х годов Тургенев отчетливо занял центральное место в литературно-журнальной среде, в какой-то степени заменив на этом посту ушедшего «вовремя», как раз накануне решительного наступления реакции после революции 1848 года в Европе, В. Г. Белинского.

Интересные сведения о положении Тургенева среди литераторов содержатся в воспоминаниях и письмах Е. М. Феоктистова, ставшего впоследствии заметной фигурой в Министерстве народного просвещения. В последний год жизни Тургенева Феоктистов был назначен начальником Главного управления по делам печати, на что писатель успел откликнуться язвительным замечанием. В 50-е годы, правда, Феоктистов еще и не мечтал о подобной карьере, общаясь с довольно представительным кругом литераторов, посещавших салон графини Салиас. Именно в эти годы он интенсивно переписывался с Тургеневым, сообщая ему все литературные новости. Прав современный публикатор писем Феоктистова к Тургеневу, называя их «своего рода хроникой творческой жизни Тургенева пятидесятых годов».[7] В свое время Л. Н. Назарова изучила ранние письма Феоктистова на предмет отражения в них литературно-критической деятельности Тургенева и оценки ее современниками и пришла к убедительному выводу: «Приведенные отрывки из писем Феоктистова к Тургеневу за 1851—1853 годы

---

[7] Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу (1851—1861). Ч. I / Публ. Э. Г. Гайнцевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 138. То же: Ч. II // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 73—161. Тщательно откомментированные, эти письма значительно дополняют наши представления о литературно-общественной ситуации 1850-х гг. и, без сомнения, будут служить ценным источником для дальнейших исследований. В частности, очень интересны письма Феоктистова за 1858 г., свидетельствующие о том, что редактор «Русского вестника» М. Н. Катков буквально отслеживал все сообщения о новых работах Тургенева (в том числе и литературно-критических), стремясь заполучить их в свой журнал.

свидетельствуют не только о высокой оценке литературно-критической деятельности писателя его современниками. Они показывают, кроме того, что в первые годы после смерти Белинского московские представители прогрессивного западничества (А. Д. Галахов, П. Н. Кудрявцев, Н. Х. Кетчер и др. — *Н. Г.*) возлагали на Тургенева большие надежды, стремились убедить его в том, что он должен быть не только писателем, но и литературным критиком».[8]

Говоря о начальном этапе литературно-критической деятельности Тургенева, все исследователи сходятся в том, что важнейшую роль в его формировании как критика сыграл В. Г. Белинский. Этой теме посвящено немало исследований, из которых, помимо уже названных, следует отметить работы А. Г. Островского, А. Лаврецкого, Н. В. Богословского, Н. Л. Бродского, Е. И. Кийко, В. А. Громова, Т. А. Никоновой (Лапицкой), С. Е. Шаталова, А. И. Батюто, Ю. В. Манна, Н. С. Никитиной, В. А. Мыслякова и многих других ученых.[9] В сущности, ни один из исследователей, пытающихся определить истоки литературно-эстетических взглядов писателя, не может обойти тему «Тургенев и Белинский», заявленную и самим Тургеневым в его «Литературных воспоминаниях».

Правда, в последние два десятилетия эта тема и само наследие В. Г. Белинского привлекают, по вполне понятным причинам, все меньше и меньше внимания. В 30-е годы прошлого века имя Белинского служило «во славу» Тургенева, приближая его к так называемому прогрессивному лагерю (в принадлежности к коему Белинскому, в отличие

---

[8] *Назарова Л. Н.* К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851—1853 годы) // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков / Отв. ред. Б. П. Городецкий. М.; Л., 1958. С. 167.

[9] *Островский А.* Литературно-эстетические взгляды Тургенева // Литературная учеба. 1936. № 10. С. 25—47; *Лаврецкий А.* <*Френкель И. М.*>Литературно-эстетические взгляды Тургенева // Литературный критик. 1938. № 11. С. 66—100; *Богословский Н.* Литературные взгляды Тургенева // Красная новь. 1938. № 11. С. 249—268; *Бродский Н. Л.* Белинский и Тургенев // Белинский — историк и теоретик литературы. М.; Л., 1949. С. 323—342; *Кийко Е. И.* Белинский и «Записки охотника» // «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Сб. ст. и материалов // Под ред. М. П. Алексеева. Орел, 1955. С. 136—150; *Ее же.* Комментарии к «Воспоминаниям о Белинском» и очерку «Встреча моя с Белинским» // *ПССиП(1). Соч.* Т. 14; *ПССиП(2). Соч.* Т. 11; *Никонова Т. А.* «Воспоминания о Белинском». Из истории полемики вокруг очерка Тургенева // *Т Сб.* Вып. 3. С. 125—134; *Шаталов С. Е.* Литературно-критические произведения И. С. Тургенева // *Тургенев И. С.* Статьи и воспоминания / Сост. А. Д. Шакута, вступит. ст. и примеч. С. Е. Шаталова. М., 1981; *Батюто А. И.* Тургенев и Белинский (К вопросу идейно-творческих связей) // *РЛ.* 1984. № 2. С. 50—73; *Его же*: Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенева «Дым» (ст. первая и вторая) // *РЛ.* 1987. № 3. С. 84—104; № 4. С. 52—76; *Громов В.* Писатель и критика. Тула, 1986; *Манн Ю. В.* Тургенев — критик и литературовед // *Манн Ю. В.* Тургенев и другие. М., 2008. С. 105—136; *Никитина Н. С.* Белинский и Тургенев. У истоков литературных отношений // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества / Отв. ред. Н. Н. Мостовская, Н. С. Никитина. Л., 1990. С. 3—15; *Мысляков В. А.* Белинский и Тургенев (Об антропонимике романа «Рудин») // Там же. С. 15—32.

от Тургенева, не отказывали никогда). Вот почему даже само обращение в те времена к названной теме объективно противостояло вульгарно-социологическим штудиям, согласно которым даже в «Записках охотника» Тургенев выступал защитником крепостничества. Еще в 1959 году М. О. Габель приходилось ставить вопрос следующим образом: «Сейчас уже никто не сомневается, что Тургенев — писатель мирового значения, но на вопрос, в какой степени, в каких формах отражено им освободительное движение в России, до сих пор еще нет определенного и ясного ответа».[10] Ныне, когда наследие революционных демократов подверглось тотальной ревизии, а точнее, почти «сброшено с парохода современности», отношения великого писателя и великого критика практически выпадают из поля зрения исследователей.

Между тем возвращение к этой теме, как и ко многим другим, очевидным образом «запрограммировано» самим ходом вещей. Будучи одним из зачинателей русской эстетики и оказав мощнейшее влияние на современный литературный процесс, Белинский, наряду с Чернышевским, Добролюбовым и Писаревым, как при жизни, так и после своей кончины вызывал самые противоположные реакции. Нет необходимости доказывать, что начиная со второй половины 1850-х годов и почти до самого конца XX столетия имя его связывалось с передовыми идеями. Цензурная оттепель, последовавшая после смерти Николая I, позволила не только упоминать запрещенное ранее имя Белинского, но и серьезно изучать его наследие. Свидетельством тому могут служить издание его сочинений под редакцией Н. Х. Кетчера,[11] появление ряда воспоминаний, исследование А. Н. Пыпина,[12] наконец, даже само намерение Тургенева посвятить Белинскому роман «Отцы и дети».

В свое время Тургенев был чрезвычайно тронут восстановлением в правах имени Белинского в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского (Современник. 1856) и даже назвал их автора «лучшим нашим критиком»,[13] «забыв» о своем жестком неприятии известной диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855). Появление этого сочинения было заклеймлено им в письме к Анненкову как «мерзость и наглость неслыханная», а ее автора должно было «публично заклеймить позором».[14] Некрасову и Боткину Тургенев прямо сформулировал причины резкого неприятия книги Чернышевского: «...в его глазах искусство есть, как он сам выражается, только суррогат действительности, жизни — и в сущности годится только для людей незрелых. <...> В действительности нет шек-

---

[10] *Габель М. О.* Вопросы изучения творчества И. С. Тургенева. С. 7.

[11] *Белинский В. Г.* Соч.: В 12 ч. М., 1859—1862.

[12] *Пыпин А. Н.* Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876. О том, что Пыпин внимательно следил за всеми материалами, посвященными Белинскому, свидетельствуют, в частности, его возражения на воспоминания о Белинском Тургенева, прозвучавшие в его книге.

[13] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 131.

спировского Гамлета — или, пожалуй, он есть, — да Шекспир открыл его — и сделал достоянием общим».[15]

Прошло время и, в свою очередь, имена многих современников Белинского попали под запрет. Их следовало упоминать только в отрицательном контексте, с непременным эпитетом «реакционный» или, по крайней мере «либеральный», что означало в период вульгарного социологизма едва ли не одно и то же. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть в любой литературный или общий словарь энциклопедического типа, вышедший до 1980 года. Наметившаяся еще в 60-е—70-е годы прошлого века тенденция к углубленному изучению наследия В. П. Боткина, В. Н. Майкова, А. В. Дружинина, П. В. Анненкова, А. А. Григорьева, М. Н. Каткова, О. И. Сенковского, Н. Н. Страхова и других критиков[16] не только расширила наши представления о сложных перипетиях развития русской критико-эстетической мысли, но и выявила насущную потребность в научном воссоздании *истории русской критики* XIX столетия. Давно назрела необходимость в научно подготовленных собраниях сочинений ведущих критиков эпохи. Столь же актуальной является потребность в более свободной от идеологических схем, более объективной оценке литературно-критического наследия В. Г. Белинского.

Поставим еще раз вопрос: действительно ли Тургенев находился под несомненным влиянием Белинского и даже был его верным учеником и соратником, как это утверждает большинство исследователей? Или, как осторожно говорит Л. Н. Назарова, «следует не забывать и обратный процесс. Европейски образованный, талантливый молодой писатель несомненно в свою очередь влиял на Белинского».[17] И здесь

---

[14] Там же. С. 38. В. П. Боткину 9 (21) июля 1855 г. Тургенев писал: «Какую мерзость сочинил „пахнущий клопами"! Теперь я иначе называть его не стану (Там же. С. 40). А Дружинину и Д. В. Григоровичу 10 (22) июля он обещал: «Я имел неоднократно несчастье вступаться перед Вами за *пахнущего клопами* <...> примите мое раскаяние — и клятву — отныне преследовать, презирать и уничтожать его всеми дозволенными и в особенности недозволенными средствами!.. Я прочел его отвратительную книгу, эту поганую мертвечину...» (Там же. С. 43).

[15] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 49.

[16] *Григорьев А.* Литературная критика / Сост., вступит. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1967; *Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика / Сост., вступит. ст. и коммент. А. С. Курилова. М., 1981; *Дружинин А. В.* Литературная критика / Сост., подгот. текста и вступит. ст. Н. Н. Скатова, примеч. В. А. Котельникова. М., 1983; *Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., подготовка текста, вступит. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984; *Страхов Н. Н.* Литературная критика / Сост. и вступит. ст. Н. Н. Скатова, коммент. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова М., 1984; *Киреевский И. В.* Избранные статьи / Сост., вступит. ст. и коммент. В. Котельникова. М., 1984; *Майков В. Н.* Литературная критика. Статьи. Рецензии / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. Ю. С. Сорокина. Л., 1985; *Анненков П. В.* Критические очерки / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. И. Н. Сухих и др.

[17] *Назарова Л. Н.* О литературно-критической деятельности Тургенева // Социально-философские концепции русских писателей-классиков и литературный процесс. Меж-

придется признать, что серьезных попыток специально исследовать вопрос о влиянии Тургенева на Белинского так и не было сделано, а вследствие этого литературно-эстетические взгляды писателя в целом остаются «в тени» великого критика. Не выпадают из указанной тенденции и чрезвычайно насыщенная документальными свидетельствами книга В. А. Громова «Писатель и критика», и обстоятельная монография А. И. Батюто «Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени», большая часть которой посвящена именно рассмотрению творческих связей Тургенева и Белинского. Так, во введении А. И. Батюто заявляет о том, что «общеэстетические замечания, вводящие в сферу критико-эстетических и иных влияний на Тургенева, сочетаются в нем (исследовании. — *Н. Г.*) с некоторыми доселе неизвестными указаниями на аналогичные встречные влияния Тургенева, по крайней мере на Белинского».[18] Однако подавляющая часть наблюдений ученого касается выявления следов воздействия идей Белинского не только на критико-эстетическую часть наследия Тургенева, но и на все его художественное творчество. «Есть основания <...> полагать: формирующее влияние Белинского в конце концов достаточно конкретно сказывается по существу на всей литературной деятельности писателя — от поэмы „Параша" до таинственной повести „Клара Милич"».[19] Такое заключение явно отдает излишней генерализацией, хотя нельзя не согласиться с Батюто, когда он пишет: «Как и всякая крайность, гиперболические представления о роли Белинского в литературном развитии Тургенева подлежат соответствующей корректировке».[20]

По существу, А. И. Батюто первым указал на очень существенный момент: в пылу полемики со славянофилами Белинский «высказывал поспешные, чрезмерно суровые суждения о народе».[21] Появление уже

вуз. сб. Ставрополь, 1988. С. 113. На это, как справедливо отмечает исследовательница, указывал еще Н. Л. Бродский.

[18] *Батюто А. И.* Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. Л., 1990. С. 3.

[19] Там же. С. 5. Заметим, что ссылка А. И. Батюто на Дневник В. С. Аксаковой, содержащий фразу «Белинский и его письмо — это вся его религия», якобы сказанную Тургеневым К. С. Аксакову, как на безусловное свидетельство самого Тургенева не вполне корректна. В контексте фрагмента Дневника (запись от 25 января 1855 г.), посвященного описанию визита Тургенева к Аксаковым, где Вера Сергеевна высказывает свое крайне неблагоприятное впечатление о писателе («Это человек, кроме того что не имеющий понятия ни о какой вере, кроме того что проводил всю жизнь безнравственно и которого понятия загрязнились от такой жизни, это — человек, способный только испытывать физические ощущения <...>» и т. д.), слова, сказанные Тургеневым Аксакову на прощание, могли быть существенно искажены (См.: *Аксакова В. С.* Дневник. 1854—1855 гг. / Предисл. А. А. Молчанова. М., 2004. С. 50—52).

[20] *Батюто А. И.* Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. С. 14. В качестве развития темы, намеченной Батюто, укажем на содержательную статью В. А. Лукиной «„Записки охотника": О завершении цикла (Тургенев и Белинский) // Тургеневские чтения. М., 2006. Вып. 2. С. 228—256.

[21] Там же. С. 9.

первого рассказа из будущего цикла «Записки охотника» побудило его признать, что Тургенев «зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил».[22] Тем не менее один важный вывод из своих собственных наблюдений исследователь все же не решился сделать. Справедливо заметив во многих героях Тургенева черты Белинского (Андрей Колосов, Рудин, Инсаров, Базаров и др.), А. И. Батюто не сказал, что Тургенев, будучи художником по преимуществу, и в Белинском прежде всего увидел *образ* нового человека, *отрицателя*, который, как бы он ни заблуждался, как бы ни противоречил самому себе, оставался тем не менее «центральной натурой», представлявшей характерное начало целой эпохи. Именно это, а не отдельные переклички с теми или иными высказываниями критика, делало воспоминания о Белинском одними из самых дорогих для Тургенева, а саму личность критика глубоко ему симпатичной.

О том, что ответ на вопрос о степени влияния Тургенева на Белинского далеко не однозначен, свидетельствует, например, статья А. Дуккон с говорящим названием «Дважды два — четыре или пять?», опубликованная в 1994 году в Будапеште.[23] Справедливо заметив, что одним «из центральных, почти во всех литературных кружках поднимающихся вопросов» был вопрос об отношениях действительности и искусства,[24] А. Дуккон обращает внимание на письмо Белинского к Боткину от 31 марта—3 апреля 1843 года, в котором содержится признание, что Тургенев убедил его отказаться от прекраснодушной формулы 2 × 2=5 в пользу более реальной — 2 × 2=4.

«...Т<у>рг<е>не<в> поразил меня нечаянно, — писал Белинский — сказавши к слову, что Гегель где-то выразился, что дельный человек тот, кто коли видит, что 2 × 2=4, так и ставит 4, а пустой (прекрасная душа) тот, кто хоть и видит, что 2 × 2=4, а все норовит, как <бы> поставить 5 или 10. До сих пор вся жизнь моя протекала в том, что я видел и понимал, что 2 × 2=4, а ставил 5. Теперь уж не могу быть так глупо малодушным, но от этого мне не легче — в этом мой смертный приговор: ждать уже нечего, и в душе распространяется холод, сырость и смрад могилы. Я держался глупостью — подпора упала — и я падаю с нею».[25] «На данной стадии психического развития, — пишет А. Дук-

---

[22] *Белинский.* Т. 10. С. 346.

[23] *Дуккон А.* Дважды два — четыре или пять? Проблемы «романтизма» и «реализма» в понимании молодого Тургенева и Белинского // И. С. Тургенев: Жизнь, творчество, традиции. Доклады международной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения И. С. Тургенева, 26—28 августа 1993 г. Будапешт / Ред. Ж. Зёльдхейи-Деак, А.Холлош. Будапешт, 1994. С. 60—68.

[24] Следует, правда, заметить, что А. Дуккон ошибочно считает, что слово «действительность» отсутствует в словаре Даля (Указ. соч. С. 60). Очевидно, исследователь не знал, что слово это писалось через «ять». На самом деле, Даль дает следующее толкование этого понятия: «...состоянье действительного во всех знач. все то, что есть, существует, состоит на деле, не вымышлено» (*Даль.* Т. 1. С. 510).

[25] *Белинский.* Т. 12. С. 151—152.

кон, — ни Белинский, ни Тургенев не допускают, что человек может быть то дельным, то прекрасной душой, что мечтательность и реализм могут чередоваться в жизни одного и того же человека, и не нужно ликвидировать парадоксы души».[26] Правда, А. Дуккон нигде не упоминает, что в письме Белинского речь шла о его любовных волнениях и сомнениях, а Тургенев, недавно переживший «философический» роман с Т. А. Бакуниной, был настроен «реалистически», к чему, вероятно, склонял и Белинского. Смысл процитированного отрывка отлично понял В. П. Боткин, откликнувшийся сочувственным письмом, которое, к сожалению, не сохранилось, но в письме от 17 апреля Белинский, отвечая другу, поясняет свои обновленные воззрения на «два рода любви».

«То, что мы называем любовью романтическою, мистическою, фантастическою, — это цвет юности и болезнь натур внутренних: в этой любви любишь не предмет любви, а свою любовь, с мистикою ее ощущений. Эта любовь прекрасна и благоуханна, как цветок весенний, и, подобно ему, скоро вянет. Отличительный характер любви действительной (в которой мы чувствуем потребность, когда уже жизнь порядочно поистреплет нас) состоит в том, что любишь предмет любви, а не любовь свою». В основе первого рода любви лежит «капризный поэтический эгоизм», который осуждается Белинским.[27] И все же, несмотря на внесенное пояснение, суть разговора в диалоге Белинского и Боткина сводится к антитезе «романтического» и «действительного» мироощущений. Для нас особенно важно, что именно Тургенев оказывается носителем второго, а не первого. Недаром в первом из цитированных писем Белинский говорит о Тургеневе как о «враге всего неопределенного»: «У Т<ургенева> много юмору. <...> раз, в споре против меня за немцев, он сказал мне: да что ваш русский человек, который не только шапку, да и мозг-то свой носит набекрень! Вообще Русь он понимает. Во всех его суждениях виден характер и действительность. Он враг всего неопределенного, к чему я, по слабости характера и неопределенности натуры и дурного развития, довольно падок».[28]

Согласимся, что приведенное высказывание мало согласуется с положением ученика и учителя, которое традиционно приписывают Тургеневу и Белинскому. В доказательство своих слов Белинский приводит остроумное высказывание своего нового приятеля по поводу висящего на стене комнаты портрета, понравившегося критику выражением «неопределенной задумчивости» на лице женщины, которой Тургенев тут же дал прозвище «какого-то субстанционального пирога».[29] Придется согласиться с венгерской исследовательницей в том, что значительная часть бесед Тургенева с Белинским запечатлелась в поэме Тургенева «Разговор» (1844), высоко оцененной критиком, хотя, как

---

[26] *Дуккон А.* Указ. соч. С. 61—62.
[27] *Белинский.* Т. 12. С. 155—156.
[28] Там же. С. 154.
[29] Там же.

справедливо пишет А. Дуккон, «было бы грубой ошибкой отождествлять <...> слова Белинского и поэму Тургенева».[30] Следовало бы также подчеркнуть, что суть позиций героев поэмы Тургенева излагается в форме диалога, столь присущей в целом поэтической мысли Тургенева.

Напомним, что поэма «Разговор» была помечена августом 1844 года и завершена в Парголово, где именно в этом году Тургенев и Белинский интенсивно общались все лето, живя неподалеку друг от друга.[31] Белинский не только рекомендовал поэму к печати, но и принимал участие в ее редактировании и прохождении через цензуру.[32]

Вернемся, однако, к письму Белинского. «...Ждать уже нечего, и в душе распространяется холод, сырость и смрад могилы», — пишет Белинский после того, как Тургенев «развенчал» его идеал (неважно, что речь шла о любви, ведь и в поэме «Разговор» эта тема тоже занимает немалое место). «А жить... нет! жить еще страшней / В такой невыносимой мгле — / И места нет душе моей / Ни в небесах, ни на земле!»[33] — восклицает Старик, не выдержав критического натиска Молодого человека, обвинившего все предшествующее поколение и своих современников в смирении перед существующим злом.

Оказался обойденным исследователями и комментаторами поэмы еще один вопрос, поднятый в «Разговоре». Это вопрос о возможной эмиграции Молодого человека за границу, который, похоже, очень волновал в это время и автора поэмы.[34] Отвечая на упреки Старика в том, что тот, «больной, бессильный человек», «погубил — и навсегда» все его надежды и мечты о «новых, сильных племенах» и разрушил его веру в Творца, герой поэмы заявляет, что он, разочаровавшись в возможности понимания «гнева и тоски», которыми томится его душа, не найдя в себе дара «живых — властительных речей», намерен покинуть родину. «...Клянусь я небом и землей, / Клянусь позором слез моих — / Я не снесу моих цепей, / Родимый край, тебя, друзей, / Без сожаленья, навсегда / Покину... и пойду тогда, / И безнадежен и суров, / Искать неведомых богов, / Скитаться с жадностью немой / Среди чужих, в земле чужой, / Где никому не дорог я, / Но где вольна душа моя, / Где я бестрепетно могу / Ответить вызовом врагу — / И, наконец, назло судьбе, / Погибнуть в радостной борьбе!».[35] Вряд ли можно считать простым совпадением то, что именно поэму «Разговор» Тургенев 9 (21) января 1845 года послал брату М. А. Бакунина Алексею вместе с сообщением о том, что месяца через два оставляет Россию, «может быть — надол-

---

[30] *Дуккон А.* Указ. соч. С. 63.

[31] *ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 468 (коммент.).

[32] Там же. С. 469. По предположению исследователей, поэма должна была иметь посвящение Белинскому, замененное впоследствии «К ***».

[33] *ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 113.

[34] См. об этом: *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 77—80.

[35] *ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 112—114.

го».[36] В этом же письме есть слова, которые прямо указывают на истинные причины отъезда Тургенева. Прощаясь («может быть — надолго»), он желает приятелю «пробиться мужественно вперед — не для того, чтобы достигнуть каких-нибудь благ — истины или знания, — но для того, чтобы сохранить до конца энергическое чувство человеческого достоинства, без которого жить — очень гадко и неприятно».[37]

Насколько близок приведенный фрагмент из поэмы «Разговор» признаниям, которые содержатся в позднейших высказываниях Тургенева, можно судить по вступлению к «Литературным и житейским воспоминаниям», написанным 24 года спустя: «Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что возненавидел; для этого у меня, вероятно, недоставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить. И я не думаю, чтобы мое западничество лишило меня всякого сочувствия к русской жизни, всякого понимания ее особенностей и нужд. „Записки охотника", эти, в свое время новые <...> этюды, были написаны мною за границей; некоторые из них в тяжелые минуты раздумья о том: вернуться ли мне на родину, или нет? <...> я, конечно, не написал бы „Записок охотника", если б остался в России».[38]

О том, что Тургенев был совершенно искренен, когда произносил свое объяснение с русской публикой, свидетельствуют и воспоминания П. В. Анненкова, утверждавшего, что вся литературная деятельность Тургенева «ничего иного никогда и не высказывала, кроме постоянной пламенной думы о своем отечестве».[39] «Особенно важно отметить, — писал Анненков, — что и в то время (40-е годы. — *Н. Г.*) и позднее никакого разрыва с отечеством не могло существовать у Тургенева уже и потому, что он всегда оставлял там часть своего существования, куда

---

[36] Там же. *Письма.* Т. 1. С. 206. Одним из существенных аргументов в пользу предположения, что Тургенев собирался уехать за границу навсегда и обсуждал этот вопрос с семьей Виардо, является письмо Луи Виардо к Тургеневу, написанное в конце февраля — начале марта 1845 г. во время пребывания в Петербурге. В нем Виардо советовал своему молодому русскому другу прочитать номер газеты «La Réforme» от 27 января 1845 г., где содержалось открытое письмо М. А. Бакунина к редактору газеты Луи Блану с объяснением причин своей эмиграции из России. См. об этом: *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. С. 76—78.

[37] *ПССиП(2). Письма.* Т. 1. С. 206.

[38] Там же. *Соч.* Т. 11. С. 9.

[39] *Анненков П. В.* Литературные воспоминания / Вступит. ст. В. И. Кулешова, коммент. А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Манна, И. Б. Павловой. М., 1983. С. 331.

бы ни уходил, предмет страсти, так сказать, русскую литературу, — понимая под этим словом художническую, критическую и публицистическую деятельность».[40]

Говоря о дружбе Тургенева и Белинского, нельзя забывать, что к 1843 году, когда они сошлись в Петербурге, оба успели пройти достаточно сложный путь философских и литературно-эстетических исканий.[41] Представлять себе Тургенева неофитом в сравнении с Белинским на период их личного знакомства нет никаких оснований. «Образованием Тургенев несомненно превышал всех своих сверстников-литераторов, — писал в своих воспоминаниях видный критик того времени А. Д. Галахов. — Окончив курс в Петербургском университете, он за границей слушал лекции немецких профессоров из школы Шеллинга и Гегеля. Литературы французская и немецкая были капитально ему знакомы. С даром творчества соединялся у него и талант критический, что доказывается суждениями о важнейших поэтических творениях. Мнения его были оригинальны, соединяя серьезность немецкой эстетики с ясностью изложения французских критиков».[42] Объективно оценил Галахов и деятельность Тургенева за границей: «Заметим, однако ж, что Тургенев и за границей оказал несомненную услугу нашей поэзии, познакомив с нею французов и раскрыв им существенное ее свойство, состоящее в том, что она имеет своим предметом и целью — правду жизни».[43] Тем более любопытно, что именно Галахов откликнулся на воспоминания Тургенева о Белинском и побудил писателя в следующем издании дать выдержку из его письма в Приложении.

Вот что писал Галахов Тургеневу по поводу «Воспоминаний о Белинском»: «Вы говорите, что Белинский, ценя искусство как особую, совершенно естественную и законную сферу духовной деятельности человека, не был поклонником теории искусства для искусства <...>. Мне кажется, это не совсем так, по крайней мере в хронологическом отношении».[44] Галахов ссылался на статьи, написанные до 1843 года, когда Белинский «признавал справедливость знаменитой формулы:

---

[40] Там же. С. 331—332.

[41] Этот период жизни Тургенева изучен менее всего. Одним из немногих сохраняющих до сих пор научную ценность исследований является книга В. Н. Горбачевой «Молодые годы Тургенева (По неизданным материалам)» (Издание Тургеневской комиссии Общества любителей российской словесности. Казань, 1926). Основанная на изучении неизданных по сей день конспектов лекций Тургенева в Берлинском университете и пометах на книгах его личной библиотеки, книга Горбачевой служит пока единственным достоверным источником, из которого черпают сведения другие исследователи.

[42] *Галахов А. Д.* Записки человека / Вступит. ст., сост., подготовка текста и коммент. В. М. Боковой. М., 1999. С. 223 (Сер. «Россия в мемуарах»). Заметим, что обозначение на обороте шмуцтитула имени только В. М. Боковой не вполне корректно, поскольку из ее же комментариев следует, что ею «частично использованы (а в некоторых случаях дословно сохранены) примечания Н. О. Лернера к несостоявшемуся изданию» (С. 342), подготовленному ученым в 1930 г. для издательства «Academia». История этого несостоявшегося издания подробно изложена в комментариях В. М. Боковой.

[43] Там же. С. 230.

[44] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 55.

цель искусства — само искусство», например, в статье о Менцеле. В подтверждение своих слов он приводил также тот факт, что у Белинского висели портреты Гегеля и Гёте, которых он характеризовал как «высших представителей чистой мысли и чистого искусства».[45] В свое оправдание Тургенев сделал оговорку, признав, что описывал взгляды критика на момент своего с ним знакомства и что Белинский изменил свои мнения незадолго до 1843 года. «Политическая струя, — писал Тургенев, — в нем снова забила сильнее».[46]

В нашей литературе почти не обращалось внимания на то, что в воспоминаниях Тургенева о Белинском содержится прямое указание на состояние, в котором молодой философ и поэт (назовем так Тургенева, еще недавно мечтавшего о кафедре философии и печатавшего свои стихи в журналах) застал уже успевшего сотрясти литературный Олимп своими резкими и неординарными высказываниями Белинского.

«Вскоре после моего знакомства с ним его снова начали тревожить те вопросы, которые, не получив разрешения или получив разрешение одностороннее, не дают покоя человеку, особенно в молодости: философические вопросы о значении жизни, об отношениях людей друг к другу и к божеству, о происхождении мира, о бессмертии души и т. д.».[47] Жажда общения, которую нашел молодой Тургенев в Белинском, объяснялась им, с одной стороны, «алчной жадностью, стремительным домогательством истины»,[48] а с другой — довольно прозаически: незнанием ни одного иностранного языка и невозможностью найти в русских книгах ответы на мучившие его вопросы. Белинский действительно многие свои познания черпал из общения с друзьями: Н. В. Станкевичем, Т. Н. Грановским, М. А. Бакуниным, В. П. Боткиным и другими (они, кстати, все были знакомыми и Тургенева).[49] Эту картину можно отчасти представить по сохранившимся его письмам к друзьям. Правда, как вспоминал Тургенев, «дело не обходилось, конечно, без недоразумений, иногда даже комических: друзья-наставники Белинского, передававшие ему всю суть и весь сок западной науки, часто сами плохо и поверхностно ее понимали <...>».[50] Очевидно, молодой Тургенев, только что вернувшийся из Германии и блиставший феноменальными познаниями в области философии и европейских литератур, представлял для Белинского, тяжело переживавшего отрыв от московских кружков, благодатную почву для оттачивания своих новых

---

[45] Там же. С. 55—56.

[46] Там же. С. 56.

[47] Там же. С. 25.

[48] Там же. С. 170.

[49] Об этом вспоминал и близкий Белинскому А. Д. Галахов: «...по незнанию иностранных языков, своим знакомством с немецкой эстетикой и с немецкой поэзией, преимущественно с Шиллером, <Белинский> много обязан Станкевичу <...>» (*Галахов А. Д.* Записки человека. С. 212).

[50] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 26.

убеждений. Недаром, вспоминая то время, Тургенев привел известное высказывание Гёте, процитировав по памяти Пролог на небесах из «Фауста»: «Ein gutter Mann in seinem dunkeln Drange / Ist sich des rechten Weges wohl bewusst» («Добрый человек и в неясном своем стремлении всегда имеет сознание прямого пути»).[51] «Итак, — заключает Тургенев, — когда я познакомился с Белинским, его мучили сомнения».[52] Какого же рода были эти сомнения?

Отчасти на этот вопрос отвечает сам мемуарист, хотя и в иронической форме. Передавая один из обычных разговоров с Белинским, переходивших, как правило, в жаркие дискуссии, Тургенев прежде всего описывает необыкновенное возбуждение своего нового приятеля. «Искренность его действовала на меня, его огонь сообщался и мне, важность предмета меня увлекала; но, поговорив часа два, три, я ослабевал, легкомыслие молодости брало свое, мне хотелось отдохнуть, я думал о прогулке, об обеде <...>».[53] Именно во время одного из таких разговоров Белинский и произнес ставшую впоследствии знаменитой фразу, которую приводит в своих воспоминаниях Тургенев: «Мы не решили еще вопроса о существовании Бога, — сказал он мне однажды с горьким упреком, — а вы хотите есть!..».[54] В очерке «Встреча моя с Белинским» Тургенев тоже упомянул о том, что волновало критика: «В первые дни своего пребывания на даче Лесного института его занимал один очень важный религиозный вопрос <...>».[55] Мемуарист не формулирует этот вопрос прямо, ввиду возможных цензурных затруднений, однако, кажется, его можно условно обозначить как вопрос о существовании Бога. Судя по ироническому, хотя и смягченному сентиментальным оттенком воспоминаний тону, которым Тургенев передает этот знаменательный эпизод, он смотрел на смятение Белинского несколько свысока, как человек, уже решивший для себя эту проблему.

Обратимся к уже цитированной поэме «Разговор», где также обозначена указанная тема. Защищая свои верования и надежды, Старик (первоначально Монах) призывает «Господа отцов моих», чтобы просветить «Детей забывчивых твоих». В ответ Молодой человек восклицает: «Не поминай его, старик... / Он так далек... Он так велик — / А мы так малы... Да притом / Он нас забыл давно... О нем / Твердили миру чудеса — / Теперь безмолвны небеса...».[56] Возможно, что именно Тургенев оказался в вопросе о существовании Бога более «компетентным» собеседником, чем сомневающийся Белинский. В то время, когда Тургенев воодушевлялся в Берлине лекциями профессора Вердера, утверждавшего, что философия призвана «сделать нас преданными богу», в немецкой философии «наметился раскол гегелевской школы на

---

[51] Там же. Русский перевод сделан самим Тургеневым в примечании.
[52] Там же.
[53] Там же. С. 27.
[54] Там же.
[55] Там же. С. 172.
[56] Там же. Т. 1. С. 110.

правое и левое гегельянство».[57] Яблоком же раздора, как утверждает В. Н. Горбачева, был вопрос, «мучивший позднее и русских гегельянцев: „Можно ли молиться богу Гегеля? Можно ли отождествлять его абсолют с живым христианским богом?"».[58] Возможно, именно эти «самые свежие, последние выводы» гегелевской философии в интерпретации Вердера передал Белинскому Тургенев, недавно вернувшийся из Берлина.[59] Правда, спустя несколько десятилетий он смотрел на происходившее уже с иных позиций: «Мы еще верили тогда в действительность и важность философических и метафизических выводов, хотя ни он, ни я, мы нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто, на немецкий манер...».[60] «Впрочем, — заключает Тургенев, — мы тогда в философии искали всего на свете, кроме чистого мышления».[61]

Вообще в «Воспоминаниях о Белинском» (как и в написанном гораздо раньше очерке «Встреча моя с Белинским»), несмотря на чрезвычайно высокую оценку роли критика в развитии русского общества и необыкновенно яркий портрет его как личности, со всеми ее слабостями и индивидуальными чертами, не наблюдается ничего, что бы напоминало взгляд ученика на учителя. Совершенно очевидно, что по уровню знаний, по философской подготовке и, наконец, по способности воспроизводить действительность в образах Тургенев стоял неизмеримо выше своего ушедшего друга и хорошо осознавал это. Недаром, отмечая, что «сведения Белинского были не обширны», что «он знал мало», что даже по-французски он «читал с великим трудом» и не был знаком «ни с одним из иностранных языков», что он потому «постоянно и всюду ратовал за просвещение», что испытал на деле «горечь невежества», что ирония его была «неповоротлива», что «исторические сведения Белинского были слишком слабы», что он вообще не имел «никакого „творческого таланта"» (примеры можно продолжить), Тургенев прибегает к парадоксальному сравнению познаний Белинского с ученостью О. Сенковского, причем в пользу последнего.[62] Более того, называя Белинского заслуживающим «до некоторой степени» названия русского Лессинга, Тургенев утверждает, что он «мог сделаться тем, чем он был, и без большого запаса научных познаний».[63]

Критика Белинского, писал Тургенев в очерке «Встреча моя с Белинским», «не имела тогда (да и после) никакой заранее определенной системы: собственно теория критики, рассуждения о разных ее родах и т. д. его мало занимали; он и в этом был прямо русский, не отвлеченный

---

[57] *Горбачева В. Н.* Молодые годы Тургенева. С. 9.
[58] Там же.
[59] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 27.
[60] Там же.
[61] Там же.
[62] Там же. С. 28.
[63] Там же. С. 29.

человек».[64] И в то же время Тургенев называет критика «одним из первых людей своего времени», «центральной натурой», чувствовавшей «русскую суть, как никто». Как объяснить подобные парадоксы? Может быть, другим парадоксом, который присутствует в речи Тургенева о Пушкине, когда он не решается назвать его «национально-всемирным поэтом» на том основании, что Россия еще не завоевала во всемирно-историческом процессе своего определенного места.[65] «Но только тогда, когда творческой силою избранников народ достигает сознательно-полного, своеобразного выражения своего искусства, своей поэзии — он тем самым заявляет свое окончательное право на собственный голос — он вступает в братство с другими, признавшими его народами», — говорил Тургенев в Пушкинской речи.[66]

В этой оговорке Тургенева как раз слышится голос Белинского, который не раз ставил о вопрос о том, является Пушкин только национальным или мировым поэтом.[67] Еще в статье «Русская литература в 1841 году» (*ОЗ*. 1842. Т. 20. № 1) он ставил вопрос о сравнении Пушкина с европейскими поэтами и отвечал на него так: «Он относится к ним, как Россия к Европе, а европейские поэты к нему — как Европа к России. Пушкин обладал мировою творческою силою; по форме, он — соперник всякому поэту в мире; но по содержанию, разумеется, не сравнится ни с одним из мировых поэтов, выразивших собою момент всемирно-исторического развития человечества».[68] Практически повторив эту мысль Белинского в Пушкинской речи, Тургенев, чувствуя ее недостаточность, сделал существенную оговорку. Мечтая о появлении «нового, еще неведомого избранника, который превзойдет своего учителя и заслужит вполне название национально-всемирного поэта, которое мы не решаемся дать Пушкину», Тургенев произнес: «хотя и не дерзаем его отнять у него».[69]

Конечно, за прошедшие почти сорок лет между статьей Белинского и речью Тургенева много что изменилось. Изменилось прежде всего положение русской литературы на европейской литературной арене. И изменения произошли во многом благодаря усилиям И. С. Тургенева.[70] Главной заслугой Белинского было, по мнению Тургенева, обозначение магистрального направления русской литературы.[71] Еще в лекции о Пушкине 1859 года, которая была частично воспроизведена в

---

[64] Там же. С. 170.

[65] См. об этом: *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. С. 457—461.

[66] *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 341.

[67] См.: *Мордовченко Н.* В. Белинский и русская литература его времени. М.; Л., 1950. С. 211—212.

[68] *Белинский.* Т. 7. С. 558.

[69] *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 349.

[70] См.: *Алексеев. М. П.* Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 268—307.

[71] Не менее высокая оценка заслуг Белинского содержится и в мемуарах А. Д. Галахова: «Петербургские журналы „Отечественные записки" и „Современник", органы евро-

«Воспоминаниях о Белинском», Тургенев говорил о характере литературы 30-х—40-х годов и называл «гоголевскую сатиру», «лермонтовский протест» и критику Белинского, усилиями которых «рухнула не только та литературная школа, которую мы назвали ложновеличавою, но и многое другое, устарелое и недостойное, обратилось в развалины».[72] Тот же ряд имен — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский — возникнет и в итоговой Пушкинской речи Тургенева, подтвердив еще раз верность писателя идеям 40-х годов. Но впервые основные положения тургеневской концепции развития русской литературы были объявлены гораздо раньше — еще в 1845 году. Правда, сделано это было на французском языке и опубликовано за границей.

В то же время в «Воспоминаниях о Белинском» Тургенев, как уже говорилось, цитировал лекцию о Пушкине 1859 года, где явственно прозвучал упрек по поводу трактовки Белинским творчества Пушкина и его предшественников. Назвав Белинского «идеалистом в лучшем смысле этого слова», носителем «преданий того московского кружка, который существовал в начале тридцатых годов» и находился «под сильным влиянием германской философской мысли», Тургенев утверждал, что именно во имя этого идеала Белинский указывал на недостаток в Пушкине «гражданских начал», приветствовал «лермонтовский протест» и «гоголевскую сатиру», «сокрушал старые авторитеты <...>, на которые он не имел ни возможности, ни охоты взглянуть с исторической точки зрения...».[73] Серьезный упрек со стороны «ученика», прозвучавший в лекции о Пушкине еще в 1859 году, позволяет ретроспективно взглянуть и на статью «О современной русской литературе» 1845 года, где как раз, отчасти в противовес Белинскому, прозвучала тонкая и взвешенная оценка «наших так называемых слав» — Карамзина, Жуковского и особенно Державина и Крылова. Речь идет о статье «De la littérature russe contemporaine» («О современной русской литературе»), напечатанной анонимно в парижской газете «Illustration» в 1845 году. Здесь читатели могли встретить такую фразу: «Один критик справедливо заметил, что Гоголь убил стихотворцев», которая прямо отсылала к Белинскому.[74]

Тургенев, кажется, был первым, кто ввел имя Белинского (хотя и завуалировано) в европейскую литературу.[75] Впервые на русском языке

пеизма, открыли новую эру периодической прессы, равно как главный сотрудник их Белинский своими статьями открыл новую эру высшей литературной критики» (*Галахов А. Д.* Записки человека. С. 215).

[72] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 34, 36.

[73] Там же. С. 37.

[74] Первый публикатор статьи Л. Р. Ланский убедительно доказал, что этим критиком мог быть только Белинский.

[75] В небольшой, но содержательной статье «Белинский во французской литературе (Критические заметки)» Ф. Я. Прийма утверждал, что первым пропагандистом личности и взглядов Белинского следует считать Герцена (В кн.: Белинский. Статьи и материалы. Л., 1949. С. 247). Относя к пропагандистам личности и взглядов Белинского также и Тургенева, исследователь ссылался на «Дневник» братьев Гонкуров (запись 1863 г.), книгу

статья была опубликована Л. Р. Ланским в 1964 году,[76] а предположение об авторстве Тургенева было высказано еще в 1930 известным французским исследователем А. Монго в статье «Гоголь и Мериме». Впоследствии ряд современных французских и отечественных исследователей поддержал и расширил атрибуцию Монго/Ланского.[77] Л. Р. Ланский в первую очередь обратил внимание на близость многих положений этой статьи, напечатанной, без всякого сомнения, с помощью Луи Виардо (постоянного сотрудника «Illustration»), со многими положениями Белинского. Но главное, что в этой статье не только были обозначены основные вехи развития русской литературы во главе с Пушкиным и Гоголем, но и по существу изложена программа переводческой деятельности Тургенева на многие десятилетия вперед. Именно он, сначала с помощью Луи Виардо, а потом и других французских литераторов, сам перевел и повести Гоголя, и «Мцыри» Лермонтова, и многие произведения Пушкина, в том числе (прозой) роман «Евгений Онегин».[78]

Должен ли был Белинский поддержать такую программу? Безусловно. «Пушкин и Гоголь, — <...> вот истинное, капитальное сокровище нашей литературы... Если Пушкин найдет достойных переводчиков, то не может не обратить на себя изумленного внимания Европы; но все-таки он и не может быть там оценен по достоинству: этому всегда помешает объем и глубина содержания его поэзии, далеко не могущие состязаться с объемом и глубиною содержания, каким проникнута поэзия великих представителей европейского искусства...», — писал Белинский в статье «Русская литература в 1841 году».[79] Поскольку эта статья

М. де Вогюэ «Le roman russe» (1886) и др. источники, в частности, на неизвестную русскому читателю статью А. Франса «Иван Тургенев» 1877 г. (не переведенную на русский язык до сих пор). Все эти упоминания имени Белинского были инспирированы Тургеневым.

[76] *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 271—274.

[77] Revue de la littérature comparée. 1930. N 10. P. 701. В 1952 г. это предположение было подтверждено Л. Р. Ланским (*ЛН*. Т. 58. М., 1952. С. 672). Атрибуцию Ланского поддержали видные французские слависты М. Кадо и А. Звигильский, а также Л. Н. Назарова (См.: *Назарова Л. Н.* О литературно-критической деятельности Тургенева. С. 116—120). См. также: *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. С. 89—92. Помещенная в разделе «Dubia» в *ПССиП(2). Соч.* Т. 12, эта статья по-прежнему мало привлекает внимание тургеневедов.

[78] Еще до выхода в свет отдельного издания повестей Гоголя в 1845 г., в «Illustration» были напечатаны две его повести — «Старосветские помещики» и «Записки сумасшедшего». Объявления об этих публикациях и вступительные заметки (написанные, как справедливо предположил Ланский, скорее всего Луи Виардо) очень отличаются по стилю и содержанию от статьи «О современной русской литературе». Именно поэтому одна из русских читательниц газеты (М. Г. Карташевская) сразу обратила на нее внимание и написала В. С. Аксаковой о том, что француз не мог быть ее автором. Любопытно и другое: племянница С. Т. Аксакова, соглашаясь с основными тезисами статьи, приняла и оценку Гоголя, и оценку Пушкина, в ней прозвучавшие (См.: *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 271).

[79] *Белинский*. Т. 7. С. 569.

вышла в свет за год до знакомства критика с Тургеневым, можно представить себе, насколько он был обрадован возможностью «командировать» в Европу такого подходящего переводчика и критика, каким представлялся ему образованный и разделявший его основные позиции Тургенев. В 1845 году Белинский, конечно, еще не мог угадать в Тургеневе будущего автора «Записок охотника», «Дворянского гнезда» и «Отцов и детей». Недаром писатель вспоминал позднее, что, охладев после первых восторженных откликов на его поэмы, Белинский «стал считать меня способным на одну лишь критическую и этнографическую деятельность».[80] Правда, Белинский оценил как «чрезвычайно замечательный по прекрасной мысли» рассказ «Андрей Колосов», отметив в авторе «много ума и таланта», хотя и упрекнул его в том, что «он не хотел сделать и половины того, что бы мог сделать; оттого и вышел хорошенький рассказ там, где бы следовало выйти прекрасной повести».[81]

Скорее всего, Белинский читал статью Тургенева о современной русской литературе еще в рукописи и смог оценить ее по достоинству. Судя по всему, она была написана либо летом 1844 года, во время интенсивного общения с Белинским в Лесном и Парголово, либо осенью. Передать же ее Луи Виардо, который сопровождал жену на гастролях в Петербурге и Москве с октября 1844 по апрель 1845 года, не представляло затруднений. Надо заметить, что несмотря на близость идеям Белинского, статья написана гораздо более емко и взвешенно. Недаром Тургенев отмечал в натуре Белинского «склонность к преувеличению». Даже по его почерку можно было судить, «что это писал человек, который не взвешивал и не рассчитывал свои выраженья». «Оттого он часто увлекался и впадал в противоречия с самим собою <…> оттого он в течение года внезапно начал наполнять свои статьи школьными выражениями немецкой философии <…>».[82]

Именно взаимное понимание общих целей и насущных задач должно было в первую очередь побудить Белинского признать в Тургеневе равную себе силу, но в другом роде. Возвращаясь к поэме «Разговор» и затронутой в ней теме бегства в «чужие края», обратим еще раз внимание на отсутствие всякого раздражения Белинского относительно отъезда Тургенева в 1845, а затем в 1847 году за границу. Не приходится сомневаться, что Тургенев отправлялся туда с одобрения Белинского и поддержанный своими новыми друзьями Луи и Полиной Виардо. Задача Тургенева состояла, по-видимому, в том, чтобы познакомить Европу с современной русской литературой, прежде всего с Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем. Еще в 1954 году М. П. Алексеев, говоря о нашумевшем (особенно в России) сборнике переводов из Гоголя 1845 года, вышедшем в Париже с указанием на обложке имени Луи Виардо как

[80] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 169.
[81] *Белинский.* Т. 8. С. 483.
[82] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 171.

переводчика, писал: «Белинский не мог не знать об этом замысле еще до его осуществления и был, несомненно, вполне посвящен в историю создания этой знаменитой книги».[83]

Итак, приходится признать, что, несмотря на ряд исследований, появившихся в последние десятилетия, полной ясности в отношении литературно-критических и эстетических взглядов Тургенева так и не было достигнуто. Возможно, одной из причин такого положения дел является отсутствие ясно выраженных эстетических деклараций среди обширного критико-эстетического наследия Тургенева. Близкий друг и ближайший единомышленник писателя на протяжении многих лет, которого менее кого бы то ни было можно обвинить в недоброжелательном отношении к Тургеневу, П. В. Анненков едва ли не с досадой писал: «...эстетические и полемические заметки Тургенева носили всегда какой-то характер *междуделья*, отличались умом, но никогда не обладали той полнотой содержания, которая необходима для того, чтобы сказанное слово осталось в памяти людей».[84] В то же время Анненков с полным знанием дела заявлял: «Очень скоро Тургенев сделался на целый литературный период излюбленным человеком этого многосложного русского мира, который признал в нем свое доверенное лицо и поручил ему ходатайство по всем своим делам».[85] Признавая главную заслугу Тургенева-художника в том, что он «сделался в России летописцем и историком умственных и душевных томлений всего своего времени по разрешению настоятельных запросов пробужденной мысли, очнувшегося ума и сердца»,[86] Анненков гораздо строже относился к критической и публицистической стороне творчества Тургенева. Термин «междуделье» он применял и к позднейшим тургеневским «объяснениям с критиками и недоброжелателями, к его исповедям своих мнений (professions de foi), поправкам и дополнениям его созерцаний и проч.». «Они, — утверждал критик, — не удовлетворяли ни тех, к кому относились, ни публику, которая следила за его мнениями».[87]

Нет ли противоречия в приведенных высказываниях? Ведь если публика следила за мнениями Тургенева, то это значит, что они производили на нее сильное впечатление, если «многосложный русский мир» признал в Тургеневе «свое доверенное лицо и поручил ему ходатайство по всем своим делам», то почему его критические высказывания не удовлетворяли публику? Думается, Анненков здесь несколько

---

[83] *Алексеев. М. П.* Мировое значение Гоголя // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 181. См. также: *Генералова Н. П.* О первых переводах произведений Н. В. Гоголя во Франции // Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. Первые Гоголевские чтения. Сб. докладов / Под общей ред. В. П. Викуловой. Науч. ред. Е. М. Огнянова. М., 2002. С. 149—165.

[84] *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. С. 333.

[85] Там же. С. 328.

[86] Там же. С. 328—329.

[87] Там же. С. 333.

сгустил краски. Некоторые свидетельства современников говорят об обратном.

Слишком многое объединяло двух незаурядных литераторов. Помимо страсти к русской литературе и близости политических симпатий и антипатий, у них был общий враг — «ложновеличавая школа» (термин Тургенева), представленная творениями Н. Кукольника, Бенедиктова, Марлинского и других. Еще одним общим врагом было славянофильство, против которого сражались, каждый в меру своих сил, Тургенев и Белинский, опираясь на принятое с молодых лет воззрение на смысл Петровских реформ и исторического пути России. И здесь нужно было сильное оружие, которым Тургенев, с присущим ему слишком взвешенным чувством меры, владел не вполне. Здесь нужно было горячее, взволнованное, разящее наповал слово Белинского. Недаром в своих воспоминаниях Тургенев называет Белинского «одним из красноречивейших русских людей, если принимать слово „красноречие" в смысле силы убеждения, той силы, которую, например, афиняне признавали в Перикле, говоря, что каждая речь его оставляла жало в душе каждого слушателя».[88]

Подводя итог предпринятому исследованию, которое, разумеется, является далеко не полным и лишь намечает некоторые темы, скажем, что в условиях жесткой общественно-литературной борьбы, на протяжении которой имя Тургенева заносилось то в списки одной партии, то поневоле оказывалось в рядах противоборствующей, писателю удалось и в своих литературно-критических выступлениях, и в воспоминаниях придерживаться той меры, которая позволяла ему сохранять высокие требования к художественной стороне любого рассматриваемого произведения и не позволяла, игнорируя эстетическую сущность искусства, переходить в стан публицистов. Недаром еще в 1855 году он писал А. В. Дружинину о так называемых «пушкинском» и «гоголевском» направлениях: «Но *оба* влияния, по-моему, необходимы в нашей литературе — пушкинское отступило было на второй план — пусть оно опять выступит вперед — но не с тем, чтобы *сменить* гоголевское. Гоголевское влияние и в жизни, и в литературе нам еще крайне нужно».[89] Однако для того, чтобы полно представить литературно-эстетические взгляды Тургенева, необходимо изучить не только его отношения с Белинским, но и более глубоко рассмотреть его общение со сторонниками теории так называемого «чистого искусства» — Боткиным, Дружининым, Фетом и, конечно, П. В. Анненковым, знакомство с которым произошло в том же году, что и с Белинским и чьи недавно изданные письма к Тургеневу[90] дают богатый материал для дальнейших исследований в этом направлении.

---

[88] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 41.
[89] Там же. *Письма.* Т. 3. С. 55.
[90] См.: *Анненков. Письма.*